

**ДОЛГАЯ, КАК КАРАВАН СЕРДЦА,
АФГАНСКАЯ ПЕСНЯ ЮЛИАНА СЕМЕНОВА.**

За честь Афганистана умереть,
О, юноши, хотел бы я, старик, -
За честь Афганистана умереть!
За честь народа голову сложив,
В народной памяти воспрянешь, как герой,
С высоко поднятою головой, -
За честь народа голову сложив...

Хушхаль-хан Хаттак

(перевод Юлиана Семенова) [5]

Афганская песня – это музыка идущего сквозь пески пустыни каравана – длиною в жизнь, музыка долгого пути сердца, в глубине которого сокрыто от посторонних глаз бесценное сокровище – Афганистан.

В 1955 году молодой востоковед Юлиан Семенов, переводчик с одного из восточно-иранских языков, пушту, отправляется в Афганистан, в Кабул в составе советской делегации. Вот, что он пишет в сентябре 1955 года жене Екатерине из Кабула: «Хочу тебя обрадовать – выставка будет не три месяца, не два и даже не месяц. Всего-навсего две недели. А если учесть, что сегодня 3 сентября, то, по-видимому, выставка закончится 6–7-го». «У меня здесь масса интересных впечатлений, набросков, мыслей. Думаю, по приезде получится кое-что небезынтересное, но рассказать об этом в коротеньком письме – довольно трудно». [3, с.270]

Там он впервые услышал и историю о замечательном русском разведчике Иване (Яне) Виткевиче.

Может быть, был он знаком и с неопубликованной рукописью об Иване Виткевиче русского кавказоведа Евгения Густавовича Вейденбаума, автора известного сборника «Кавказские этюды» [2], очерка «Декабристы на Кавказе в 1829 году»[1].

Рукопись о Виткевиче ныне хранится в личном фонде Вейденбаума, в Национальном центре рукописей Грузии.

Особенность творческого подхода Юлиана Семеновича определилась сразу: исторический факт требовал такого тщательного анализа и исследования, что хватка и интуиция ученого, интерес журналиста, опыт работы в архивах вел его по исследовательским вехам, как по главам создаваемой книги, зреющей замыслом. Так опытный путешественник, совершающий в дороге открытие за открытием, так зрелый разведчик, собирающий по крупичкам ежедневные наблюдения, хранящий их в молчании, высекает однажды в глубине сердца первую искру, как первую главу новой книги. Этой первой повестью Юлиана Семенова, первой книгой огня его души стал «Дипломатический агент».

««Дипломатический агент» – первая книга молодого автора. Это повесть о человеке удивительной, трагической судьбы – одном из первых русских востоковедов, Иване Виткевиче. Повесть о человеке, которого высшие сановники царской России считали государственным преступником; агенты лондонского Интеллидженс сервис – блестящим русским разведчиком; мудрый Гумбольдт и гениальный Пушкин – замечательным ученым. А люди Кара-Кумов и снежного Гиндукуша знали, что Виткевич – человек зоркого глаза, большого ума и доброго сердца»[4, с.2].

Жорж Сименон утверждал, что книги Юлиана Семенова это литературное исследование политической истории. Первое крупное произведение молодого писателя, повесть «Дипломатический агент» в полной мере можно отнести к этому жанру.

В повести интересны две долгие, протяженностью в жизнь главного героя, линии: из России в Афганистан, из Афганистана – в Россию, линии не параллельные, навстречу друг другу.

Как говорилось выше, главный герой романа, польский гимназист Ян Виткевич, за участие в крамольной организации «Черные братья» приговорен к смертной казни в 14 лет, но сослан в солдаты без выслуги лет в крепость Орск по монаршей «милости». Здесь и происходит становление личности, взросление героя, формирование главных ценностей его характера. В неторопливое повествование включены переломные вехи внутреннего роста молодого Виткевича.

«Чтобы добыть огонь, надо высечь искру. Высекание – это длительный и шумный труд, это как речи писателя, в то время как его истинный труд – это искра. Важно, на что обращают внимание: на процесс высекания или на саму искру; на речи или на книги. Процесс высекания – либо самолюбование, либо сбор материалов для книги об огне»[3, с.4].

Такой же тонкой, тщательной, кропотливой была работа Юлиана Семеновича над воплощением в романе портрета этого удивительного человека. Раскрывая сильные стороны характера героя в становлении, в воспитании качеств души, писатель отмечает основные вехи-встречи, сочетая факты с художественным видением. Историческая ткань повествования, политическая интрига сплетается с вымыслом писателя, создавая ту правду характера Ивана Виткевича, которая явилась смыслообразующей для видения этой личности в развитии всей политической истории его загадочной жизни и смерти.

Если задаться вопросом, почему русскому дипломатическому агенту Ивану Виткевичу с такой легкостью удалось убедить афганского эмира Дост Мухаммеда сотрудничать с Россией, ответ на него мы найдем на страницах повести Семенова. Ответом будет и журналистская деятельность самого Юлиана Семеновича во Вьетнаме и Лаосе, Никарагуа и Афганистане.

Этим основным качеством является открытость сердца – сердцам.

К сожалению, Юлиан Семенович не оставил афганского дневника. Но судя по его путевым заметкам, сделанным во время войны во Вьетнаме и боевых операций в Лаосе, мы видим, насколько мужественно и просто он прожил две недели с бойцами, с женщинами и стариками, с детьми, продолжающими учебу и труд в горных пещерах под американскими бомбами точечного попадания. Прожил целую вечность с народом Лаоса с открытым сердцем и высоко поднятой головой. Поэтом-воином его и принимали во всех горячих точках планеты, и отвечали такой же открытостью сердец.

Спит член ЦК Сисана,
И мой Свиридов спит,
В пещере под Сам Неа
Не спит один пиит.
Дождь кончился, и они прилетели.

Особенная сволочь – это одномоторный «Эй Ди Сикс». Он винтовой, и поэтому может достичь каждого, кто был в нашем бронетранспортере: бомбой, пулей или ракетой типа «шрайк». Даже если успел спрятаться в воронку – точность попадания: Плюс-минус четыре метра. Любите тленье светляков, Любите.

Старайтесь медленнее жить И не спешите.

Старайтесь видеть все вокруг без ослепленья...
Только тогда вы сможете нести в себе

Заряд того спокойного добра,
Которое так нужно людям,
Уставшим от воен, предательств и глупости,
И ослепительных деклараций,
«переполняющих сердца».

Пещеры Патет Лао, 17 января 1968 г.

Это удивительное исследование – аналогия поэтического процесса, поиска новых форм – поэтом. Мы видим рождение нового жанра – политического верлибра, в котором новаторские формы сращены с жизнью осколками гражданской поэзии.

Прежде чем канонизировать писсуары в
поэзии,
Следует поначалу разбить их, поскольку из
кусков фаянса
Может получиться неплохих форм
конструктивная композиция,
Особенно если ее скрепить опаленным
осколком бомбы,
Брошенной с «фантома»
В Долине Кувшинов
Одним из «Май бай ми».

(Май – машина, бай – летать, ми – США (вьетн.)). Вкупе «Май бай ми»
означает «ВВС США». – Прим. Юлиана Семенова)

Юлиан Семенов «Размышления после бомбежки»[3, с.577]

Политическими поэтами Юлиан Семенович считал Пушкина, Михаила
Кольцова.

«Я, например, считаю сегодня одним из самых политических художников поэта Ивана Драча. Считаю таковым поэта Олжаса Сулейменова. Поэтов Андрея Вознесенского и Егора Исаева. Поэта Евгения Евтушенко». «Поэт Евтушенко, с моей точки зрения, придал современной литературе эффект непрерывного, живого, острого отклика на политическую реальность, и этот непрерывный отклик обозначил судьбу лирического героя. Поэзия Евтушенко, это его политический «роман в стихах»[3, с.453].

Поэзия самого Юлиана Семенова, на мой взгляд, восходит к творчеству Михаила Кольцова в умении передать в стихотворении чувство реальности, плотную структуру насквозь политизированного момента. И здесь мы видим не фотографическую мгновенность этого момента, мы видим поиск, постепенный процесс наложения света, искра за искрой, мигание светляков, складывающееся в общее полотно света и тени. Поиск форм, создающих концентрированную плотность текста, его структуру и глубину, и ровную цельность полотна в итоге. Его политическая картина складывается из ключевых моментов, очень плотных по наложению разноплановых слоев, и это очень органичная картина.

Этот творческий поиск, «процесс высекания искры» – аксиома воспитания мужества, воспитания характера гражданина и воина, основное качество духа, заложенное в военном детстве Юлиана его отцом Семеном Ляндерсом, в честь имени которого Юлиан взял псевдоним Семенов, друзьями отца, преподавшими десятилетнему мальчику урок настоящей дружбы.

«Я далек от того, чтобы считать, будто смог добыть огонь. Но прилагал максимум усилий, чтобы высечь хоть какую-то искру. И процесс высекания этой искры был для меня великолепным поиском, который начался давно: может быть во время первой бомбежки Москвы, – а ведь я тоже пел: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей земли не отдадим», но и тогда, в этом ужасном и страшном, я видел друзей отца – писателя Владимира Лидина и журналиста Эзру Виленского, которые, чтобы преподать мне урок

самообладания, во время бомбежки терли друг другу спины в маленькой ванной на Спасо-Наливковском, и мне, десятилетнему, было стыдно выбегать на улицу и блевать от страха»[3, с.4].

Это дань сердца, дар чувства долга и чести студента афганского отделения института востоковедения, ставшего неожиданно на втором курсе сыном «врага народа», познавшего горечь отверженности, принявшего бой с государственной системой, забравшей отца, и победившего систему тем, что стыдно забиваться в угол и плыть по течению.

Лейтмотив жизни и творчества, как главного делания всей жизни.

«У каждого человека есть альтернатива: либо смириться и бездействовать, либо пытаться сделать хоть что-нибудь.

Пусть не хватит сил, но попытка подняться похвальна».

Юлиан Семенов

Вернемся к портрету Ивана Виткевича, созданного автором по принципу родства сердец. Кто же провел ту филигранную воспитательную работу, чтобы юноша смог осознать себя в едином строю единомышленников. Вот как пишет Юлиан Семенович:

«Трудно предполагать, как сложилась бы судьба Виткевича, не оказись рядом с ним декабриста Бестужева и простого солдата Ставрина, батальонного командира Яновского, гениального Гумбольдта и верного товарища Песляка».

«Люди, окружавшие Виткевича, передавали Ивану холод своего ума, пламень сердца и несгибаемость воли в достижении главного – Человеческой Свободы»[4, с.67].

«Дипломатического агента» Юлиан Семенов написал в апреле 1958 года за две недели в Пицунде в Абхазии. Вот, что он пишет 14 апреля 1958 года жене Екатерине из Пицунды:

«Пишется мне здесь здорово. В первый же день, нагулявшись до синевы – + 9, ветерок, – я вернулся в номер и ахнул две главки о Виткевиче – не очень большие, но так, вроде, ничего. Думаю, к концу недели с оным, полюбившимся мне поляком все закончу»[3, с.271].

Легкости, с которой была написана книга, предшествовала детальная кропотливая работа в архивах. Юлиан Семенович работал с той же потрясающей работоспособностью, что и герой его первой повести.

Всё изменилось в жизни Ивана Виткевича с тех пор, как он стал адъютантом оренбургского губернатора Перовского.

«Главной и единственной его работой была та, к которой он стремился последние годы: изучение Востока. И в этом он успевал делать столько, что даже работоспособнейший Владимир Даль только разводил руками.

Иван проводил большую часть времени в архивах генерал-губернаторства. Он бродил по подвалу, в котором хранился архив, среди пыльных полок, уставленных кипами бумаг, порыжелых от времени, развязывал их – на выбор – и, примостившись на перевернутом ящике, погружался в чтение манускриптов российских, таджикских, персидских, арабских. Чего здесь только не было! Переписка оренбургских губернаторов с бухарскими и хивинскими ханами, сообщения о крестьянских бунтах, торговые книги прошлых лет – все это было разбросано, не систематизировано. Наиболее ценные рукописи Иван откладывал в сторону и уносил к себе. Там он и работал: делал выписки, переводил, на отдельные карточки записывал новые, неизвестные ему слова, составлял краткий очерк истории торговли России с Востоком».

И снова писатель показывает период ровного горения героя в момент благоприятных для него перемен.

«...Виткевичу сейчас работалось как никогда раньше хорошо и потому, что он чувствовал заинтересованность в его труде со стороны окружавших его людей: Даля, Перовского, ссыльного композитора Алябьева. С приездом нового генерал-губернатора в Оренбурге многое изменилось, а главное –

изменился самый дух города. Оренбург стал воротами в Азию. Науку и просвещение определял небольшой круг людей, но, общаясь с другими, они не могли не оставить следа в сознании местных жителей.

Владимир Даль, Александр Алябьев, ссыльный поляк ботаник и естествоиспытатель Фома Зан, путешественник Кармин, геолог и ботаник Карин все эти люди, близко окружавшие Ивана, не могли не наложить своего отпечатка на мышление и работу Виткевича. Все эти люди не могли не помогать ему в его труде. И они помогали»[4, с.85].

Юлиан Семенович на протяжении всей повести включается в размышления героя, в его внутренний диалог. И здесь мы встречаем то, что практически не встречается в политических романах, язык которых в большинстве своем сух, объективен, оперирует фактами, но не лирическими отступлениями, не пейзажной лирикой. Здесь же писатель, как и его герой, самобытный вдумчивый ученый, лингвист, поэт, как и повесть его сердца, как песня русской души, открывшейся самой сути Азии, Востока. И труд души русской как путь из окраинных земель российских – на Восток, с караванами через пустыню, равно как и путь караванов с Востока, через Азию, мимо Орской крепости в Оренбург – навстречу душе русской.

Удивителен тот факт, что восточные купцы, следуя мимо Орска в Оренбург, останавливались на одну ночь, чтобы учить арабскому письму и восточным языкам Ивана Виткевича. Только один русский смог так расположить их сердца к себе.

И в этом основной лейтмотив романа: передача знания от сердца к сердцу, и главный успех дипломатии Виткевича, которую можно назвать дипломатией народной: установлением отношений с людьми, что близки сердцу, по сердцу: от купца, от ашика и кузнеца, до эмира, поэта и воина.

В этом суть и народной дипломатии Юлиана Семенова.

В этом специфика российской стратегии в Азии и на Востоке в отличие от политики британской, например.

Завоеывая среднеазиатские ханства, Россия принципиально не оказывала никакого воздействия на религию местных жителей, в отличие от грубой стратегической ошибки британцев, пытавшихся проводить в индийских колониях миссионерскую деятельность, чем и спровоцировавших освободительное движение. Кроме того, Россия, включив ханства и народы в огромную российскую империю, тут же брала их под свое покровительство и начинала защищать их от врагов, как братьев меньших.

И Юлиан Семенов пишет в своих афганских очерках уже о советской стратегии по отношению к Афганистану. В ряде очерков к 35-летию подписания советско-афганского договора он пишет о том, сколько всего вложил Советский Союз в развитие экономики Афганистана, в строительство дорог, заводов, школ и больниц. Он пишет об оказании всесторонней помощи Афганистану, в том числе и специалистами.

Все те ключевые моменты не оказания помощи Афганистану, в том числе и тот факт, что миссия Виткевича провалилась, что заключенный им договор с эмиром Дост Мухаммедом, так и не был утвержден Россией под напором Британии и вследствие невежественной недальновидности восточной политики тех лет. Это развязало первую афгано-британскую войну. Причиной второй афгано-британской войны вновь оказалось отступничество русского полка в Кабуле. И в последней афганской войне приказ Горбачева о выводе советских войск из страны привел к тому, что в страну с исламскими радикалами, талибами, пришли последователи британцев в Большой игре – американцы. Ключевая точка путей, соединяющих Индию, Азию, страны Востока, каковой является Афганистан, вновь оказалась утрачена.

Но в этом и заключаются поворотные моменты истории: в возможности обратиться вновь и вновь к анализу периодов плодотворного сотрудничества, чтобы пересмотреть ошибочные позиции и выработать новую стратегию, самую плодотворную в новых условиях.

С этой точки зрения, очень характерна позиция Юлиана Семенова в афганском вопросе. И показателен образ русского разведчика и исследователя Ивана Виткевича в повести «Дипломатический агент».

«Он натолкнулся на одну интересную тему: сущность афганского глагола «кавыл», что означает по-русски «делать». Иван любил изыскивать сравнения. А здесь сравнение само напрашивалось. Во время последней поездки в степи, – а Иван теперь в степи ездил, когда считал нужным, – разговорившись с киргизами, он заметил, что те сухую стойкую траву называют «кавыл». Так же это слово произносили и русские казаки, жившие по правую сторону Урала. То есть одно слово и русские, и киргизы, и афганцы произносили одинаково.

«А не есть ли в этом большой смысл? – думал Виткевич. Он тщательно обгрызал кончик пера, волновался. – Может быть, кавыл, сухая трава, скрывающая от людей землю – основу основ богатства и довольства народного – и означает у афганов истинный смысл глагола «делать»? Вернее – очищать землю, затрачивать огромный труд, убирать кавыл – не это ли послужило основой к словообразованию, к переходу названия травы в объяснение действия? Кавыл: освобождать землю для посевов, для блага человеческого?»[4, с.87]

Освобождать землю для блага человеческого – такова суть делания и для русских и для киргизов, и для афганцев, таков высший гуманизм слова.

Сплетаясь нитями общечеловеческого смысла, выверяя и проверяя трудом души общие человеческие ценности, учась и уча, два народа с открытым сердцем направились навстречу друг другу.

В этом и заключалась дипломатическая миссия Ивана Виткевича в Кабул в 1837 году, в год смерти Пушкина, о которой Ивану так и не суждено было узнать. При загадочных обстоятельствах смерть самого Виткевича в 1839 году в одной из гостиниц Петербурга унесла с собой все плоды великого подвижнического делания ученого и разведчика.

А с Пушкиным была у Ивана встреча в Оренбурге, один из тех ключевых моментов, которыми вершится делание судьбы человека, то переплетение исторического и вымышленного, что следует правде характера, правде сюжета, что делает политическую историю, сухую, созданную фактурой фактов, высокохудожественным произведением, что дает повести, как и самой жизни чувство реальности.

И здесь Пушкин так пророчески – Виткевичу:

«Опасайтесь, Виткевич, опасайтесь! Вами будут расплачиваться, словно звонкой монетой: «Смотрите, какие мы! Как наши дипломаты Восток знают!» Но вспомните Грибоедова – правители умеют делать политическую игру кровью людской. Не это главное. Главное, чтобы человек не был подобен планете. По-гречески слово «планета» означает «бродяга». Человек творчества должен всего себя посвятить только одному делу. В творчестве планетой быть нельзя: светит, а не греет. Труд возвышает людей, служба портит»[4, с.109].

И Виткевич – Пушкину – после смерти величайшего политического поэта, даже не ведая об этом, в преддверие скорой смерти своей – письмом:

«Первым поэтом, с которым должно ознакомить наших любителей словесности, по праву следует выставить Хушхаль-хана Хаттака, человека не только одаренного великолепным даром слагать стих, но и столь же редким даром храбрейшего военачальника. Сражаясь за свободу афганцев, он был схвачен в плен, израненный, долгое время прожил в изгнании, вдали от родной земли. Но стихи его – мудрые, сильные – никогда, ни в единой строке не несут печали, столь свойственной людям, томимым в плену. Вот некоторые из его стихов.

Одно непостижимо никогда:

Спокойствия достигнуть без труда.

Безделье не лекарство, но отравя!

Пусть труд тяжел – в нем нет того вреда,
Пусть даже к смерти приближает – право,
Безделье все же худшая беда.

Пусть рок тебя и ввергнет в пасть ко льву,
Не думай: «Гибну!» Знай: «Переживу!»
Пытайся изловчиться в пасти львиной!
Стремись к освобожденью, к торжеству,
И лев еще придет к тебе с повинной!
В кошмаре – смерть. Спасенье – наяву.

Посмешище! Ты сам тому виной:
Подобен старушонке той шальной,
Что мушку на лицо свое налепит,
В морщинах пудру разотрет слюной...
Беззубые ужимки, сладкий лепет...
...Ты в царедворцы лез? Очнись, дурной!» [4,с.210]

Афганский Ломоносов, Хушхаль-хан из рода Хаттаков. Его судьбу в некоторой степени повторил афганский эмир Дост-Мухаммед-хан из рода Баракзаев, заключивший с Виткевичем первый российско-афганский договор и выславший из Кабула британского разведчика Бернса. Умирает в Петербурге Виткевич загадочным образом, русский царь предает афганцев, британские войска входят в Кабул, эмира отправляют в заключение в Индию.

В повести Юлиана Семенова эмир Дост-Мухаммед таков, каким Виткевич описывает Пушкину Хушхаль-хана: он наделен редким даром правителя-воина, за которого, как один, весь афганский народ. И как люди Кабула в повести приняли Виткевича всем сердцем как доброго друга и большого ученого, таким его принимает и эмир. В жарком Кабуле козни британцев и Бернса не привели ни к чему, друзья эмира спасли своего друга

Ивана. В холодном же Петербурге, оставшись совсем без друзей, Виткевич оказался полностью беззащитен – перед лицом своей смерти.

Такие параллели: времен и судеб, выстраивает Юлиан Семенов в своей повести, руководствуясь не столько художественным вымыслом, сколько логикой фактов, исторических параллелей. Видимо, одним из первых молодой историк открывает это сходство и повторяемость, цикличность исторических моментов, преломленных как в призме, в судьбах людей.

Отступничество русского царя от договора с афганцами приводит к первой британо-афганской войне – за ключевую точку путей – за Афганистан. Сами афганцы уничтожают практически всех британцев, в этой войне только один выживший – британский врач. Дост Мухаммед возвращается из изгнания и объединяет все земли в единое государство Афганистан. Но сама деятельность русского разведчика и ученого Ивана Виткевича, период плодотворного русско-афганского делания не проходит бесследно. Дружеское отношение к русским позволяет открыть врата в Кабул русскому полку афганскому эмиру и вновь изгнать британцев. И снова резкий предательский поворот: очередной русский царь не дает разрешения русским войскам вступить за афганцев, начинается вторая британо-афганская война. Проходит время, и уже молодой переводчик пушту Юлиан Семенов отправляется в Кабул в составе советской делегации с дружеским визитом в середине шестидесятых годов, в период плодотворного делания на земле афганской советскими специалистами, строительства дорог и больниц, школ и заводов. И вновь критический момент середины восьмидесятых, когда Горбачев отзывает советские войска из Афганистана, и в Кабул вступают радикальные исламисты, талибы, и приходят американские войска, неся с собой всю ту же стратегию британского милитаризма.

Юлиан Семенов показывает эти ключевые моменты пересечения исторических стратегий в жизни отдельных людей, правителей и разведчиков, но не дает готовых рецептов. Он приводит умы к осознанию, что стратегии все те же, захватнические планы членов Большой игры

неизменны, но исторически закономерно появляются люди большого делания. В их руках все больше знания и умения работать в самых крайних экстремальных обстоятельствах, тихо и незаметно делать свое дело, как работали люди в пещерах Лаоса под американскими бомбами в пещерных госпиталях, заводах, учили детей в подземных школах.

И сам Юлиан Семенов оказался человеком нового формата делания, нового формата интернационального долга чести – рядом, плечом к плечу, по праву исторической справедливости в ключевые моменты в горячих точках планеты. Его долгая афганская песня звучит и звучит:

«А Иван все читал мудрые, исполненные вечным смыслом жизни строки афганских песен.

Я сто раз умирал, я привык
Умирать, оставаясь живым.
Я, как пламя свечи, каждый миг
В этой вечной борьбе невредим.

Умирает не пламя – свеча,
Тает плоть, но душа горяча.
И в борьбе пребываю, уча
Быть до смерти собою самим...

Москва-Орск-Кабул 1958 г»[4, с.216]

Список литературы

1. Вейденбаум Е.Г. Декабристы на Кавказе в 1829 г.//Русская старина. 1903. Т.114. №6(июнь). С. 481–502.
2. Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. Исследования и заметки. Тифлис. 1901. – 320с.
3. Семенова О. Неизвестный Юлиан Семенов. Том 1, 2 – М: Вече; 2008.

4. Семенов Ю.С. Дипломатический агент. М: Молодая гвардия. 1959.
5. Семенов Ю.С. Песни горной страны/ Огонёк. – 1956. – №22. – С. 29.